

·thebigbook·

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ЧИНГИСХАН

Волк равнин
Повелители стрел
Кости холмов
Империя серебра
Завоеватель

ИМПЕРАТОР

Врата Рима
Гибель царей
Поле мечей
Боги войны
Кровь богов

ГРЕЧЕСКИЕ ВОЙНЫ

Врата Афин
Защитник

КОНН ИГГУЛЬДЕН

ВРАТА
АФИН

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ПРОЛОГ

Густой аромат цветочной пыльцы висел в горном воздухе, словно эфирное масло или запах кипящей олифы. Все живое томилось в тени. Повсюду терновник, жесткие стебли иссохшей травы да раскаленные голые камни — не схорониться. И только сверчки стрекотали в кронах выносливых сосен, упорно цеплявшихся за скалистую почву.

Застывший среди древних холмов вековой покой нарушили слабые, будто дрожащая нить, звуки музыки. Мелодия крепла, набухла звеневшей медью — и разрослась, вскинулась в песне гулом голосов. Всколыхнув воздух громом тарелок, труб и барабанов, на гребень поднялись танцовщики, спугнув юрких ящерок. По зычному приказу все остановились, отдуваясь, утирая пот.

Царь выехал вперед верхом на жеребце и спешился почти с былой грацией, отличавшей его в молодости. Бросив поводья рабу, Дарий взобрался на огромный плоский валун и оглядел равнину. Отсюда, с высоты, он видел шрамы на земле, следы войны и огня. Далекое прошлое подступило совсем близко. Царь нахмурился. На этом самом месте он стоял тридцать лет назад. Пригрезилось, сделай один только шаг — и снова окажешься там, рядом с отцом, и вся жизнь еще впереди.

Где были когда-то Сарды, теперь лежали руины. Пламя давно погасло, но с налетевшим легким ветерком Дарий уло-

вил — или почудилось — запах обуглившегося дерева и жженого кирпича, благовоний, а может быть, гнили. В отдалении действительно копошились люди. Воздух был такой чистый, что Дарий различил искры походных костров и тонкие струйки дыма над ними. Вероятно, убежавшие горожане вернулись, как только утих пожар, или даже пришли разграбить руины в поисках золотых бусин, бывших когда-то монетами.

Погребальный костер на месте города отнюдь не досадная случайность. В тот день издалека и с горной вершины было трудно вообразить охваченные пламенем улицы, парки и целые кварталы. Сторожевые башни вдоль громадной стены рухнули на глазах у Дария, рассыпавшись камнями. Прочь от ограждений четко прочерченными линиями потянулись дороги. Семьи уходили, унося на подошвах пепел и сажу, оставляя темные следы, напоминающие вены на руке старика. Царь знал — теперь распространится мор и скверна. Выжившие не заботились о мертвых, разве только по принуждению. Мухи ползали по трупам, и живые спешили пройти мимо, отвернувшись.

Великий царь не поморщился, не покачал головой при этой мысли. Он знал смерть и раньше, видел ее много раз. Он понимал, что его людям придется похоронить павших в огромных неглубоких ямах за стенами города и только потом взяться за восстановление...

Обернувшись, Дарий поискал глазами сына, собираясь поделиться с ним своими размышлениями. Ксеркс поодаль от первых рядов, поджав ноги, балансировал на шее молодого слона. Мальчишку постоянно что-то отвлекало, он всегда находил какое-нибудь существо, чтобы приручить и позабавиться. Последним был сверчок, а до него — крошечная голубая ящерица, бравшая и державшая еду двумя лапками. Сам великий царь никогда не испытывал потребности в подобных пустяках и беспокоился, что сын недостаточно преисполнен радения об империи, которую унаследует. Он вздохнул. Забот отцовских имя — легион.

Царская процессия остановилась по его жесту. Люди все утро поднимались в горы, и теперь от облегчения их лица просветлели. За царем стояли шестьдесят тысяч человек. Колонна тянулась так далеко вниз, что он не видел ей конца. Дарий явился, готовый к войне, но нашел только пепел.

Впереди, дрожа от усталости, отдыхали танцовщицы. Еще утром одна из них упала в изнеможении, лихорадочно раскинув руки. Люди шли, не обращая внимания на ее визг; ехали повозки. И только царские слоны осторожно обходили раздавленную девушку.

Дарий не стал ничего говорить дворцовому распорядителю. Мрачная тень легла на лицо Ашара, и щеки вспыхнули от стыда. Наставницу танцовщиц наверняка поколотят вечером и даже, возможно, привяжут к дереву, предоставив решить ее участь львам и волкам. Остальные, увидев это, поймут, что не должно позорить великого царя, оказавшего им честь сопровождать его.

А он давно уже не был прежним жизнерадостным молодым воином. Обдумывая, как бы спуститься с камня, Дарий подавил вздох, ощутив боль в бедрах и пояснице. Было время, когда он легко бы спрыгнул, наслаждаясь своей силой и ловкостью. Но слуги хорошо знали господина, и едва он поднял голову, как к валуну поднесли приступку. С величавой осанкой и невозмутимым выражением лица он сошел вниз.

Ксеркс настороженно посматривал на приближающегося отца. Накажут ли его за то, что мог заметить только царь и до чего лишь ему было дело?

Мальчик сидел на мягкой шелковой подушке — в кожаной, украшенной золотом юбке и сандалиях. Голый по пояс, он служил живым напоминанием о юности, что могло еще больше омрачить настроение отца.

Слуги посыпали сушеной лавандой и миртом пыльную дорожку, по которой великий царь приблизился к сыну. Для Дария было оскорблением, когда его вынуждали смотреть вверх, но Ксеркс, казалось, застыл на месте, сидя высоко на слоне.

Огромное животное повернуло голову, чтобы посмотреть на человека, остановившегося рядом с ним. И мальчик, и слон были в самом неуклюжем возрасте. Дарий жестом отмахнулся от слуг, усеявших лепестками тропу перед ним.

Они замерли, дрожа на периферии его поля зрения, готовые в любой момент покрыть благоуханием землю, сотрясающуюся под шагами повелителя.

— Ксеркс, слезай, — негромко сказал великий царь.

Сын кивнул и вытянул руку так, чтобы слон ее увидел. Хобот изогнулся, бережно обвил ребенка и плавно опустил на землю. Мальчик, казалось, гордился этим. Дарий никак не отреагировал на трюк, демонстрировать который стоило бы в другом месте: на рынке или заготовке леса. Обняв сына за плечи, он повел его туда, где тот должен был стоять, ожидая отца.

Дарий положил ладонь на нагретый валун.

— Видишь этот город? — спросил он сына. — Темный от пепла.

Ксеркс сделал вид, что всматривается в даль, кивнул, но не поклонился — и Дарий поймал себя на том, что гордится молодым человеком, который должен наследовать его власть, если только Ахурамазда, владыка мудрости, позволит это. Не стоит быть слишком уверенным в будущем — ни в словах, ни в самых сокровенных мыслях. Бог света слышит все.

— Это Сарды, столица этой страны, — сказал царь. — Или так было. Враг разграбил город и сжег все, включая великий храм, простоявший здесь две тысячи лет. Вот почему я привел так много воинов. К завтрашнему утру все до единого дома и храмы будут снесены до основания. Мы перестроим все.

— Кто смеет нападать на наши города? — спросил Ксеркс.

— Люди из Афин, из Эретрии, — ответил отец. — Греки. Я думал... Десяток лет назад они присылали сюда послов с просьбой о дружбе. Я думал, они согласились стать моими избранными — одним из моих любимых подданных народов. Они дали землю и воду моему наместнику и отправились домой, за море. Признаюсь, после этого я почти не думал о них.

Царь улыбнулся и попытался взъерошить сыну волосы. Мальчик отстранился, и отец сделал над собой усилие, скрывая боль.

— Это край света, Ксеркс. Море лежит менее чем в двух днях пути отсюда, а за ним — земли, которые никогда не знали благословения наших законов, наших воинов. — Дарий махнул рукой в сторону равнины. — Я правлю здесь, от рынков рабов до золотых копей. Каждый горшок и чашка — мои, каждая монета, балка и ребенок. И все же мы здесь далеко от цивилизации, от сердца нашей земли. Возможно, я был слишком мягок с ними, слишком снисходителен. Я излишне доверчив. Это всегда было моей слабостью.

Он увидел, как сын неловко переступил с ноги на ногу, и улыбнулся.

— Никто, Ксеркс, никто не может сказать, что я бесчестен. Понимаешь? Если я даю слово, я его держу, пусть даже мир рухнет вокруг меня. Если я прощаю врага, если приветствую его, как ребенка, в своем доме, он знает, что моего гнева больше не будет. Даже греки знают это. О, они могут кричать и бороться, но для тех, кто ведет себя по-мужски, кто готов отбросить гордость и предложить мне знаки земли и воды, я всегда буду прощающим богом.

— Но почему? Почему ты прощаешь людей, которые сделали это, которые сожгли Сарды?

Дарий наклонился ближе к сыну. И хотя сотня слуг и рабов ожидали проявления его малейшей прихоти, а две обнаженные женщины с подведенными сурьмой глазами выглядывали из занавешенных носилок, украшавших его слона, — он оставался наедине с наследником.

— Я говорю сейчас как царь. Услышь меня, Ксеркс. Мое слово нерушимо, потому что, когда человек выходит на поле боя против моих армий, я хочу, чтобы он со страхом смотрел на своих союзников, спрашивая себя, не покинут ли они его в разгар битвы. Я хочу, чтобы он знал, как знает собственное имя, что, если сдастся мне, если почувствует вкус пыли на гу-

бах и предложит мне воду из чаши своих рук, я буду чтить его как союзника до конца времен, без злобы, без мести. Потому что он будет живым примером моего милосердия. Ты понимаешь?

Ксеркс слегка покачал головой, закрыв глаза. Налетевший ветер ослабил дневную жару. И в этот момент тишины и покоя мальчик внезапно понял. Его глаза открылись, и отец улыбнулся, увидев в них блеск.

— Доверие к тебе ослабляет их всех, — сказал Ксеркс тоном, в котором прозвучало удивление. — Это значит, что, когда мы подойдем, брат повернется против брата, друг против друга. Но какова цена, отец? Ты отказываешься от мести — не слишком ли высокая цена?

— Нет. В моей империи сплетены сорок наций — Мидия, Ассирия, Лидия, Индия... Клянусь богом, люди подобны серебряным рыбкам в океане — все подданные моего трона, моей короны. Будь я обманщиком, лжецом, они боролись бы куда ожесточеннее, чтобы держать меня подальше. Вместо этого их вожди получают дворцы и земли. В спокойные времена они даже задаются вопросом: а завоевал ли их кто-то вообще?

— Но они завоеваны, — сказал Ксеркс.

— Да, — кивнул Дарий. — Так же и эти города, весь Ионийский союз. Они смотрят на своих предков, греков, а не на нас. Возможно, они думали, что я слишком далеко, что мне нет дела до того, чем они занимаются на самых границах западных морей. Предав меня, они обратились за помощью к Афинам, и эти греческие нечестивцы послали корабли из Эретрии. Их солдаты-гоплиты бродят по побережью, убивают и запугивают принадлежащие мне народы. Теперь они говорят о том, чтобы сбросить ярмо, которое я возложил на них, говорят о «безобразиях» нашего правления.

Царь рассмеялся невесело, и глаза его чернели из-под насушенных бровей.

— Уничтожая мой гарнизон, греки подожгли тростниковые крыши Сард. Пламя распространилось, как ветер, пока не

поглотило все, даже храм Кибелы, великой Матери мира. Такое трудно простить.

Царь замолк и стоял, глядя вдаль. Сын не осмелился прервать его размышления и не стал сопротивляться, когда отец снова положил руку ему на плечо.

— Я за год отстрою все заново. Армии, которые я привел, войдут во все города и поселки Ионийского союза и принесут то наказание, которое я сочту нужным. Мужчин лишат рук, чтобы не могли больше держать копьё или меч. Самые красивые дети отправятся на наши рынки. Старики и женщины будут брошены в костры. Иногда я думаю, что это в своем роде милосердие — по отношению к тем, кто был им так обременен. Понимаешь? Даже в горниле моего гнева заключена мудрость. Я не тиран, Ксеркс. Когда я иду, сдвигаются горы, и эта дрожь сильнее поступи тысячи королей. С тобой будет то же после меня. Все люди — рабы; все цари — рабы для нас.

Лицо сына озарилось радостью при этих словах. Ксеркс протянул левую руку и коснулся отцовских пальцев, лежащих на его обнаженном плече. Мудрость царя позволила построить империю столь необычайно богатую и могущественную, и все было так, как он сказал: мир склонился перед ним. Ксеркс думал, что даже дождь идет по его приказу.

— А что же греки, отец?

— Они вернулись на свои корабли, как невинно спящие дети. Уничтожив мои гарнизоны, решили, что дело сделано. Они ошибаются. Все только началось! Я навещу их снова, когда закончу здесь.

Царь оглянулся через плечо на ряды телохранителей в белых стеганых доспехах и чешуйчатых панцирях. Жара была невыносимой, но они стояли совершенно неподвижно, словно высеченные из камня. Поймав этот взгляд, их начальник шагнул вперед, рухнул на землю и, распростершись во весь рост, поднес к глазам обе руки, словно ослепленный. Пыль облепила намащенное снаряжение, и, поднявшись, он уже больше напоминал воина в походе, а не просто часть декорации. Дарий подумал, что это хорошее предзнаменование.

— Принеси мой лук, Датис.

Царское оружие вынули из чехла, накинули тетиву в мгновение ока, пока Дарий поднимал руку. Он принял лук, почти с него ростом, блестящий от масла и солнечных бликов на золотой обмотке.

— Стрелу, — сказал Дарий.

Он приладил ее к плетеной тетиве и натянул с легкостью, как человек, обученный этому с детства. Мышцы руки, плеча и груди напрялись. Царь пустил стрелу так, что она воспарила над лежащей внизу равниной.

— Я посылаю эту стрелу со своей клятвой, — услышал Ксеркс бормотание отца. — Господь, позволь мне наказать афинян, как они того заслуживают.

Он вернул лук и ткнул скрюченным пальцем в раба-виночерпия. Хотя стройный юноша и служил царю все свои двадцать лет, завоевав уважение при золотом дворе, он без колебаний упал на живот, почувствовав настроение хозяина.

— Мишар, с сегодняшнего дня у тебя новое поручение. Встань и прими его из моей руки.

Евнух гибко поднялся и замер, опустив глаза, под взглядами отца и сына. Шелка его одеяния покрыла пыль, и Ксеркс поморщился, заметив пятна пота. Небрежности оправдания не было, тем более что есть рабыни, готовые стирать и менять мужчине одежду столько раз в день, сколько ему угодно. Если только Мишара можно считать мужчиной. Ксеркс однажды приказал стражникам подержать евнуха, чтобы самому осмотреть старую рану и сморщенный мешочек между ног, темный, как синяк. Мишар тогда плакал, как женщина. Странно, раб понимал, что его жизнь не принадлежит ему, и все же рассчитывал сохранить какое-то подобие достоинства. Ксеркс считал, что отец позволяет некоторым слугам слишком много вольностей, возможно, по причине долгого общения с ними. Когда придет его время, уж он такой ошибки не совершит. Мальчик улыбнулся при этой мысли.

— Мишар, — продолжил царь, — ты будешь подходить ко мне каждый вечер, когда я сижу за трапезой. Ты будешь пре-

рывать меня, не опасаясь наказания. И ты будешь говорить так: «Господин, помни о грехах». Ты понял, что я сказал?

Виночерпий попытался кивнуть, хотя его трясло так сильно, что Ксеркс подумал, уж не заболел ли он. Мишар тоже заметил черные руины Сард, но не знал, как поведет себя царь. Блестящая струйка пота выступила у него на лбу и соскользнула в складки у накрашенного рта.

— Я... я сделаю... я понимаю, великий царь. Все будет так, как ты говоришь.

— То-то, Мишар. А если забудешь, я прикажу вырвать твой прекрасный язык. А теперь оставь нас и найди свежую одежду. Та, что на тебе, годится только для огня.

Евнух поклонился и ушел. Ксеркс наблюдал за отцом с нетерпеливым предвкушением, желая увидеть в нем волка, разрушителя народов.

— Итак, — сказал царь, — сын мой, я не забуду о своем долге перед греками. Не забуду, пока он не будет оплачен тысячекратно. Это маленький и рассеянный народ. Я куплю корабли у финикийцев и отправлю сюда несколько обленившихся западных гарнизонов. Здесь слишком много придворных, Ксеркс, мягкотелых толстяков, живущих легкой жизнью. Думаю, небольшое путешествие пойдет им на пользу. Возможно, я увижу, как мои «бессмертные» чувствуют себя в открытом море. Забавно было бы узнать, как люди вроде Датиса изрыгают завтрак за борт.

Царь рассмеялся, развеяв свое мрачное настроение. Он повернулся к сыну, и Ксеркс сумел выдержать его взгляд и не вздрогнуть.

— А теперь прикажи привести твою лошадь. Хочу посмотреть, как ты выедешь с разведчиками, когда мы доберемся до равнины.

— Я бы предпочел...

— Мне будет приятно, Ксеркс, — мягко сказал Дарий.

— Конечно, отец, — склонил голову мальчик.

— Хорошо, — улыбнулся царь. — Воины должны видеть, как ты едешь верхом. С заходом солнца я буду ждать тебя

на пиру для моих полководцев. Мы подумаем, как наказать эти ионийские города, которые дрожат перед нами.

Ксеркс поклонился еще раз. Он надеялся побыть немного наедине с собой, без того чтобы отец указывал ему и распоряжался каждым его часом до самого сна. Он знал, что награда за послушание и терпение придет. Хотя он и не мог представить себе мир, в котором нет его любимого отца, однажды империя будет принадлежать ему. Его приказ разгонит тучи или затмит солнце в память об отце. Думать об этом было приятно.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
490 г. до н. э.

ГЛАВА 1

Ксантипп замер на месте и, сохраняя ровное дыхание, негромко отдал указания рабам вокруг себя. Внимательно выслушав, трое мужчин сдержанно кивнули, соглашаясь. Все они служили семье его жены с детства.

«А ведь каждого спартанца, — почему-то подумал Ксантипп, — готовят к войне семеро рабов. Возможно, у афинян это получается лучше».

Произносить свою мысль вслух он не стал и даже не улыбнулся. Им владело какое-то непонятное беспокойство, нетерпение. Ему было тридцать восемь лет, и он знал, что в этот день может умереть.

Он больше не слышал городского шума, хотя и сомневался, что на улице стало тише. Дом жены был огромный, его окружали оливы и смоковницы. Комната, в которой Ксантипп готовился к войне, находилась в центре здания, вдали от внешних стен, которые оказали бы честь и крепости. Пространство по периметру ограничивали колонны из белого камня, крышу заменяло высокое голубое небо. Здесь, вдалеке от грохота, суматохи и страхов войны, царили мир и покой. Вокруг этого тихого сердца дома были расположены на двух этажах еще с десятков помещений. Ворота за внешней стеной открывались на дорогу в Элевсин, ведущую к северо-западу от центра Афин.

В темноте, задолго до восхода солнца, Ксантиппа разбудили крики. На агору к бронзовым статуям героев, представ-